

## РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*В.А. КАСАМАРА,  
М.С. МАКСИМЕНКОВА*

## Страна и ее политическая элита в представлениях российских и французских парламентариев\*

Авторы сравнивают политические представления российских и французских парламентариев, выявленные в ходе интервью с депутатами Государственной думы РФ и Национальной ассамблеи Франции. Во взглядах на собственную страну, в нормативных и дескриптивных представлениях о лидере и политическом классе у французских и российских представителей политической элиты есть как сходства, так и различия. Однако если в основе подобия некоторых взглядов лежит общность неблагоприятной социально-политической и экономической ситуации, то расхождения в них – результат принципиального различия в политических ценностях.

**Ключевые слова:** политические представления, российская политическая элита, французская политическая элита, депутаты Государственной думы, образ страны, качества “идеального” президента, “идеальная” политическая элита.

The authors compare the political views of Russian and French parliamentarians. The research is based on interviews with the members of the State Duma and the National Assembly. There are both similarities and differences in their views on their own countries, normative and descriptive notions of the leader and political class. However, while the similarities are based on resembling problems in social, political and economic situation of the countries, the distinction is the result of a fundamental difference in political values shared by Russian and French deputies.

**Keywords:** political perceptions, Russian political elite, French political elite, State Duma deputies, image of the country, features of an “ideal” president, an “ideal” political elite.

Данная работа – продолжение проекта Лаборатории политических исследований, посвященного нормативным политическим представлениям российской политической элиты [Касамара, Максименкова, 2013]. В ней мы обратились к сравнительному анализу политических представлений российских и французских парламентариев.

---

\* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ в 2011 г.

---

*Касамара Валерия Александровна* – кандидат политических наук, заведующая Лабораторией политических исследований Национального исследовательского университета–Высшей школы экономики, доцент кафедры политического поведения факультета прикладной политологии НИУ–ВШЭ.

*Максименкова Марина Сергеевна* – младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ–ВШЭ.

Это позволит наиболее полно проанализировать ценностные ориентации российского политического класса.

Как отмечают Н. Лапина и А. Чирикова в статье, посвященной исследованию особенностей рекрутирования элиты в России и Франции, “изучение России через опыт других стран расширяет пространство анализа, углубляет представления о социальных процессах в российском обществе, дает возможность осознать специфику российского случая” [Лапина, Чирикова, 2009, с. 25]. Компаративный подход, таким образом, дает возможность выявить общее и специфическое, изучить интересующий исследователя аспект политической жизни страны через призму опыта других стран.

Несмотря на значимость изучения политических представлений российской политической элиты, сфера ценностного сознания этой социальной группы практически не представлена в научной литературе. Тем более редки исследования, проведенные, подобно нашему, качественными методами (см. например, [Gel'man, Tarusina, 2000; Гурьева, 2007; Urban, 2010; Пищева, Виноградова, Недова, 2010]).

Компаративный же метод, несмотря на его преимущества, в данной сфере вовсе не используется. Так, в англоязычных источниках нам удалось найти лишь одно относительно современное сравнительное исследование, посвященное ценностным ориентациям российской элиты, основанное на контент-анализе опубликованных в СМИ выступлений и интервью [Levintova, 2006]. Однако эта работа – пример неконтрастного сравнительного исследования. Нам же представляется перспективным провести контрастное сравнительное исследование, направленное на изучение политических взглядов представителей политической элиты в странах, находящихся на разных ступенях экономического и политического развития, сравнить политические взгляды российского политического класса с взглядами представителей политической элиты в стране с укоренившимися демократическими традициями. Это даст возможность понять, насколько велики различия между изучаемыми объектами и в чем именно они заключаются.

Французские парламентарии в качестве объекта сравнительного анализа были выбраны нами не случайно. С одной стороны, с точки зрения политического режима Франция удовлетворяет нас как действительно контрастный случай. С другой стороны, она представляет собой государство со сходной системой государственных институтов, такую же, как Россия, республику, “где большая часть полномочий исполнительной власти делегируется президенту и где роль личности в формировании внутренней и внешней политики страны сложно переоценить” [Миголь, Хавенсон, 2012]. Такое сходство институциональной системы дает возможность опроса сопоставимых по статусу и должностным полномочиям групп респондентов.

Столкнувшись с закрытостью российской политической элиты, мы ограничились изучением политических представлений ее значимой части – депутатов Государственной думы РФ V созыва как людей, находящихся в насыщенном политическими событиями информационном поле и обладающих относительно высоким социальным статусом в силу занимаемой должности. Во Франции нашими респондентами стали представители аналогичной группы: депутаты нижней палаты французского парламента – Национальной ассамблеи. Таким образом, эмпирической базой работы являются 50 полуструктурированных интервью с российскими депутатами Государственной думы, проводившихся в 2009 и 2011 гг. и 15 полуструктурированных интервью с французскими парламентариями, взятых в 2010 г.<sup>1</sup>

В исследовании был использован целеориентированный подход к формированию выборки: следуя требованиям об охвате всех информационно значимых случаев, то есть всех групп изучаемой общности [Ковалев, Штейнберг, 1999, с. 84], мы интервьюировали представителей разных фракций российской и французской нижних палат парламента. Средняя продолжительность интервью с российскими парламентариями

---

<sup>1</sup> Интервью с депутатами Национальной ассамблеи были проведены сотрудником Лаборатории политических исследований С. Петриченко.

составила 60 минут. Интервью с французскими парламентариями в среднем длились 40 минут.

Следует отметить, что депутаты Национальной ассамблеи охотно соглашались на интервью, отвечали на полученные ими электронные письма с информацией об исследовании и предложением поучаствовать в нем и назначали время встречи с интервьюером. В то же время исследование российской политической элиты было затруднено уже на этапе прохождения в здание Государственной думы, не говоря уже о сложностях при попытках договориться об интервью и в процессе самого интервью. Возможность беспрепятственного доступа к представителям французской политической элиты даже для граждан другой страны, на наш взгляд, – проявление ключевого, принципиального отличия французской политической элиты от элиты российской – ее открытости.

Тем не менее, даже несмотря на большую по сравнению с нашими депутатами готовность французских парламентариев к сотрудничеству, проведение полноценных часовых интервью с большим количеством представителей политической элиты другой страны оказалось непростой задачей. Однако мы можем утверждать, что неравная представленность респондентов двух групп в выборке не повлияла на результаты исследования. Во-первых, потому что мы не рассматриваем представителей французской политической элиты как группу, которую мы изучаем с целью выявления ее политических ценностей. Французские парламентарии в данном случае – контрольная группа, позволяющая провести полноценное качественное сравнительное исследование [Ritchie, Lewis, 2003, p. 51], направленное в первую очередь на понимание специфики политических ценностей российской политической элиты.

Во-вторых, выборка формировалась в соответствии с требованиями “обоснованной теории”, элементы которой мы используем в своем исследовании. Репрезентативность в рамках данного методологического подхода достигается за счет интервьюирования количества респондентов, достаточного для достижения теоретического насыщения (репрезентативности понятий, мнений) [Страусс, Корбин, 2001, с. 147]. В случае с российскими парламентариями нам удалось достичь полного теоретического насыщения выборки. В случае с французскими депутатами – достаточной, чтобы решить стоящие перед нами задачи анализа представлений части российского политического класса через призму базовых представлений элиты другой страны.

Стенограммы полученных интервью анализировались также в рамках “обоснованной теории” методом открытого кодирования (например, [Flick, 2009]), средствами специализированного программного обеспечения для обработки качественных данных (QDA Miner). Тематика задававшихся вопросов затрагивала ключевые аспекты политической жизни. В ходе интервью мы выяснили, какими видятся парламентариям образы их собственных стран и каким они представляют их будущее в долгосрочной перспективе; кого они считают “врагами” и “друзьями” своих стран; какими качествами с их точки зрения должен обладать президент их страны и каково их отношение к действующему главе государства; какой должна быть идеальная политическая элита и чем нынешний политический класс, по их мнению, отличается от этого эталона.

### **Образ страны и представление о ее будущем**

Одна из главных и наиболее чувствительных тем для французов – тема прав и свобод человека [Зуева, 2008]. Она лейтмотивом звучит практически во всех нарративах и, естественно, находит свое отражение и в образе страны, сложившемся у французских парламентариев: “*страна просвещения, прав человека*”, “*ее можно даже назвать примером современной демократии*”. Однако чувство гордости за ее былые заслуги практически у всех французских парламентариев вытеснено неудовлетворенностью нынешним ее состоянием. Они сожалеют об ушедшей славе Франции и утрате той роли, которую она играла: “*Положительный образ Франции стирается со временем*”. Или: “*Я боюсь, что Франция потеряла свой шик, свой прежний имидж...*”

*И сегодня Франция намного более испорченная. Сегодня она гораздо в меньшей степени производит впечатление страны, которая служит примером для других, которая указывает наилучший путь развития”.*

И это сожаление относится не только и не столько к вопросу лидерства страны в области демократии и прав человека. Обеспокоенность представителей французской элиты вызывает общее состояние французской экономики, социальная и политическая нестабильность. Франция, по их мнению, – “постаревшая” страна, страдающая “рефлексом богатого человека, у которого больше нет богатства... больше нет средств проводить прежнюю щедрую социальную политику”. Или: “Страна, экономическое, промышленное и технологическое развитие которой находятся на спаде”.

Позитивный оттенок образ страны в представлениях ее парламентариев приобретает лишь тогда, когда они говорят о ее культурных традициях. Именно наследие Франции в этой сфере, на их взгляд, обеспечивает стране тот имидж, который ценится за рубежом и которым сами они, судя по всему, гордятся: “Это страна очень долгих интеллектуальных и культурных традиций”. Или: другие страны “восхищаются нашей страной благодаря богатству французской культуры. Я имею в виду, что литература, искусство в глобальном смысле очень сильно зависят от французской культуры. Франция – это страна с богатым культурным наследием”.

Но этот же образ, прижившийся, по мнению парламентариев, в других странах, вызывает у них и раздражение, поскольку сосредоточенность лишь на культурной сфере препятствует восприятию реального положения и потенциала Франции: “Поэтому у Франции сегодня несколько ложный образ по отношению к тому, чем она является на самом деле, что она имеет. За границей Франция – это музей”.

В этой связи следует отметить, что недовольство французов связано не только с тем, что, как они полагают, в мире забывают о политических и экономических (“Мы забываем, что Франция пятая экономическая сила в мире”) заслугах их страны. Точно так же не удовлетворены они и в том случае, когда сталкиваются с излишней, на их взгляд, амбициозностью Франции на мировой арене: “Маленькая страна, которая хочет играть по-крупному. Это реальность. Люди верно судят о Франции. Маленькая страна, которая хочет быть первой. Это смешно”. Или: “Исторически сильная держава с сильным политическим месседжем, но амбиции которой на международной арене неадекватны по отношению к слабости внутри самого государства”.

Такое восприятие текущего положения дел в стране порождает серьезные опасения французских парламентариев по поводу перспектив ее развития. Франция представляется им “страной, беспокойной относительно собственного будущего”. Беспокойство усугубляется тем, что, по их мнению, само французское общество достаточно ригидно и неспособно к адаптации: “Мы слишком консервативны, мы не любим изменения. В такой стране, как наша, изменения происходят очень медленно. Если что-то плохо идет, то мы делаем шаг назад и все пересматриваем заново”. Или: “Слабая способность общества прийти к согласию по тому или иному вопросу и, как следствие, его более низкая чувствительность к переменам окружающего мира, нежели в других странах”. Эти нежелание и неспособность измениться, на их взгляд, становятся теми препятствиями, которые могут помешать стране решить существующие проблемы.

Итак, как мы видим, образ Франции у представителей ее политической элиты имеет двойственный характер. Нынешнее состояние страны парламентариев не устраивает. Но в том, как они себе ее представляют, есть и светлые стороны. В основе позитивной оценки образа современной Франции лежит ее наследие, сложившиеся исторически традиции. Однако и они подвержены изменениям: “потеря лица”, связанная с подобными изменениями, задает несколько ностальгический тон размышлениям французских депутатов на эту тему.

Ностальгия и неуверенность сопровождают и рассуждения российских парламентариев об образе собственной страны. Главный мотив, встречающийся в большей части нарративов, – представление о России как о “дрейфующей” или же медленно

просыпающейся. Наличие различного рода проблем, прежде всего экономических, – важный, но не определяющий фактор, формирующий негативный образ России.

Основная причина негативного восприятия современной России у многих депутатов связана с тем, что направление ее “движения” им неизвестно. Респонденты отмечали, что Россия в настоящий момент находится в переходном, развивающемся состоянии. И развитие это зачастую представляется депутатам болезненным, неосознанным и ненаправленным процессом: *“В пути... Все... Пошла, а направление не знает”*. Нередко при описании сегодняшней ситуации в нашей стране встречается метафора сна, комы: *“Россия продолжает дремать и потихонечку в полусне ищет свой путь: пока еще не нашла и не проснулась”*; *“просыпается после длительного сна”*; *“начала потихонечку выходить из состояния комы, но по-прежнему находится в реанимации”*<sup>2</sup>. Стоит отметить, что подобное восприятие характерно и для представителей региональной политической элиты, отмечавших, что “Россия дрейфует без руля и ветра в парусах” [Гурьева, 2007, с. 74].

В отличие от французских парламентариев, чьи представления о собственной стране достаточно однородны, представления российских депутатов о России значительно варьируются в зависимости от того, к какой фракции Государственной думы принадлежит тот или иной респондент. Образ России в сознании единоросса – это образ развивающейся, возрождающейся страны “с огромным потенциалом” и светлым будущим. Представителям “партии власти” свойственно делать упор на процессе “пробуждения” как на модернизации, неизбежно влекущей за собой демократическое развитие. Представители других фракций менее оптимистичны. Для них Россия – *“сирота без отца и матери”*, страна, которая *“ослаблена по всем направлениям”*, *“превратилась в страну третьего мира”*, *“бандитская, коррупционная и страшная”*, в которой *“декларируемые цели модернизации экономики не выполняются, потому что идет давление с разных сторон на средний бизнес”*.

Общность взглядов тем не менее проявляется в отношении одного из важнейших критериев, по которому представители политической элиты оценивают сегодняшнюю Россию: положения страны на внешнеполитической арене. Некоторые считают, что Россия *“сильный игрок во внешней политике”* уже сегодня: *“Страна, без участия которой не рассматриваются важнейшие мировые проблемы”*. Но основная масса респондентов выражает надежду на то, что она когда-нибудь им станет и войдет в “десятку” или “пятерку” “лучших экономик мира” и, возможно, даже *“станет центром евразийского мира, присоединив к себе Украину, Белоруссию, Казахстан, Среднюю Азию”*.

Усиление позиций России на мировой политической и экономической арене – основной, по мнению депутатов, оптимистичный сценарий развития России на ближайшие 10–15 лет. Надежды на *“сильное централизованное государство, которое будет со временем построено”*, и сильную экономику преобладают. Лишь иногда в оптимистичный сценарий депутата попадают *“фундаментально развитые гражданские институты”* и *“достойная жизнь населения”*.

Пессимистичные прогнозы развития страны депутаты склонны связывать с кризисными тенденциями в сфере общественного сознания: *“Ничего не изменится кардинальным образом в лучшую сторону: сознание, выработанное в людях, будет существовать, как минимум, 40–50 лет”*. Или: *«Если современную молодежь на сегодняшний день больше интересует выпить, покурить, посидеть в Интернете, поиграть в компьютерные “стрелялки”, то представляется совсем не перспективное будущее»*. Реалистов, которые бы говорили о различных возможных вариантах развития страны или обсуждали конкретные условия для осуществления того или иного из вариантов, среди депутатов почти нет.

<sup>2</sup> Подробнее об образе России в представлениях российских парламентариев см. [Kasamara, Sorokina, 2011].

Среди французских же парламентариев, напротив, преобладают реалисты. Четко выраженных оптимистичных или пессимистичных сценариев будущего в их высказываниях выделить нельзя. Они связывают позитивные изменения и решение ряда существующих проблем с успешностью проведения тех или иных реформ: *“В течение ближайших 20 лет нужно применить множество реформ, решить проблему старения населения, так как существует множество проблем пенсионной системы”*. Или: *“Я думаю, что страна справится с многими поставленными перед ней задачами. Чтобы реализовать свои экономические цели, ей необходимо провести еще очень много реформ”*.

Несмотря на жалобы французских парламентариев на консервативность и нелюбовь к изменениям как национальным французским чертам, в их рассуждениях нет идеи о том, что общество может стать препятствием на пути решения существующих проблем. Это одно из их отличий от депутатов Госдумы, убежденных в том, что “качество” населения обуславливает заданность сохранения тяжелого нынешнего положения и, более того, его ухудшение.

Другое отличие касается зависимости будущего страны от ее успешности на внешнеполитической арене. В отличие от российских депутатов, французские парламентарии главным критерием благополучия считают, в первую очередь, решение внутренних проблем, в результате чего *“Франция станет страной, которой я смогу гордиться”*. Роль же и положение страны на международном уровне для них второстепенны. Однако этот вопрос также важен.

Поскольку неотъемлемый элемент образа Франции на сегодняшний день – ее принадлежность к Европейскому союзу, более полная интеграция страны в европейское сообщество, нахождение “своего места” в нем представляется французским парламентариям очень важной задачей: *“Сегодня, важно заметить, Франция не одна, она развивается в сообществе других европейских государств. Поэтому нам необходимо занять свое место в Европейском сообществе”*. Более того: *“У Франции нет многообещающего, амбициозного будущего без сильной, инновационной и объединенной, солидаризировавшейся Европы”*, признают респонденты.

Таким образом, если в идеале французы видят свою страну “встроенной” в систему межгосударственных взаимоотношений (в основном, в контексте и на уровне Евросоюза), то идеальное будущее для России – достижение внешнеполитического “величия”: *“Мы будем державой номер один”*, – говорит один из респондентов. Тем не менее, несмотря на различия, можно сказать, что во взглядах на собственную страну у представителей французской и российской элит есть ряд сходных черт. Парламентариев обеих стран объединила, во-первых, ностальгия по прошлому. Для депутатов Национальной ассамблеи критичной стала утрата Францией своего безупречного имиджа страны демократии и прав человека. Российские респонденты сожалели о распаде Советского Союза, повлекшем за собой развал “великой страны” и потерю Россией былого могущества [Касама, Сорокина, 2011, с. 176]. Общности образам Франции и России в представлениях их политических элит добавило и наличие в обеих странах серьезных системных проблем, требующих безотлагательного решения. Более того, не исключено, что именно сходное состояние стран и восприятие этого состояния как тяжелого и требующего кардинального преобразования обусловило некоторую схожесть представлений депутатов относительно роли и качеств главы государства.

### **“Враги” и “друзья”**

Говоря о “друзьях” и “врагах” своей страны, представители политической элиты обеих стран обнаруживают в своих политических представлениях значительно больше различий, чем сходств. Так, французским парламентариям свойственно подчеркивать неправомерность использования категорий “друг” и “враг” применительно к межгосударственным отношениям: *“Отношения между странами – это не отношения между людьми”*. Российские депутаты гораздо охотнее прибегают к описанию

внешнеполитических отношений России в категориях “друг–враг”. Хотя и некоторых из них отличает прагматичный подход к определению “друзей” и “врагов”. В своих ответах они не раз обращались к высказыванию о том, что “у Англии нет вечных врагов и вечных друзей, но есть вечные интересы”. Практичное отношение к интересам страны как основе ее внешней политики определило вполне адекватную замену некоторыми депутатами слов “враги” и “друзья” на понятия “соперники” и “союзники”.

Однако если для российских представителей политической элиты отнесение той или иной страны к группе “союзников” или “противников” зависит от совпадения экономических или стратегических интересов и “меняется в зависимости от политической ситуации”, то французы кладут в основание такого разделения совершенно иной критерий. Для них во взаимоотношениях определяющими являются культурная, а точнее, ценностная близость с той или иной страной, а также длительность отношений с ней.

В тех случаях, когда они называют в роли “врагов” или “друзей” конкретные страны, они имеют в виду то, насколько эти страны разделяют базовые, с их точки зрения, ценности Франции: *“Врагами являются все те, кто борются против тех ценностей, которые распространяют по всему миру и за которые борется Франция, а именно: демократии, прав человека, свобод, равенства, братства. Все эти ценности являются эмблематичными и для христианской, и для светской Европы”*. Друзья же – это все те, “кто разделяют ценности Франции” и те, “кто открыты для этих ценностей”.

Именно исходя из этого критерия, представители французской политической элиты включают в число “недрузгов” Иран, Ирак, Египет и другие страны, с которыми у Франции “существует некое недоверие, большие культурные различия”. Однако главным “врагом” парламентарии считают все-таки не сами эти страны, а исходящую от них угрозу терроризма: *“Все, что касается терроризма, – враги демократии, демократических ценностей, Запада. И здесь сложно говорить о каких-то конкретных странах. Например, Афганистан не является врагом Франции, но на его территории готовятся террористические акты, базируются террористические группировки”*. В идее терроризма заложено все то, что на самом деле пугает французскую элиту: *“Главная угроза для западных демократий, к коим относится и Франция, сегодня происходит из способности небольших движений посягать на государственные интересы, на жизнь и свободы граждан повсюду, где бы они ни находились”*.

В качестве “друзей” отдельные страны французскими парламентариями называются значительно чаще. На основании общности ценностей в их ряд попадают, естественно, страны Европы и США. Часто депутаты называют “другом” и Россию, однако с рядом оговорок. Она в число “друзей” Франции попадает скорее в виде исключения: согласно критерию личных взаимоотношений лидеров страны (*“Даже если с Россией у нас нет одинакового видения всех вопросов и проблем, мы тем не менее являемся друзьями. Медведев и Саркози поддерживают хорошие отношения, которые потихоньку улучшаются”*) и длительной истории взаимоотношений (*“Исторически у Франции дружеские отношения с США и Россией”*).

“Внутренних врагов” как французские, так и российские парламентарии называют значительно реже, чем внешних. Для депутатов Национальной ассамблеи ключевые “внутренние враги” – экономические и социальные проблемы страны (*“дефицит и долги”, “самый страшный враг – это уход от себя самого, социальная несправедливость, протекция элит с помощью денег...”*). Для депутатов Государственной думы – отдельные социальные группы внутри страны (националисты-экстремисты, чиновники, коммунисты, те, кто *“готовы во всем уступить Западу”* и *“не понимают историю страны как историю величайшей империи”*) и *“пороки”* ее населения (алкоголизм, наркомания, проституция, *“равнодушие к происходящему”*).

В целом же российские парламентарии с большой охотой находят внешних “врагов” и, как правило, в качестве этих врагов называют конкретные страны. Идеи глобальных угроз, к числу которых были отнесены терроризм, экстремизм, распространение ядерного оружия, встречаются в их нарративах как редкое исключение [Касапара,

Сорокина, 2011, с. 182]. В основном же их отличает почти параноидальная склонность видеть врагов повсюду: *“Пока на Земле существуют разные страны, национальности, религии, они будут представлять для России потенциальных врагов”*. Или: *“В каждом действии, направленном на ослабление России извне, нужно усматривать сознательные вражеские действия”*.

Для отнесения той или иной страны к категории “врагов” российские депутаты ориентируются на два критерия. Прежде всего тут называется возможность этой страны претендовать на российскую территорию и ресурсы: *“Как только Россия станет слабой, она сразу станет привлекательной с точки зрения ее поглощения, расчленения”*. Или: *“Те, кто претендуют на раздел России и ее ресурсов на сферы влияния”*, что основано на субъективно воспринимаемом факторе “недоброжелательности” по отношению к России. По этим критериям в число стран, представляющих угрозу, попадают США, Китай, государства Евросоюза, Украина и Грузия, Прибалтийские государства и страны НАТО. Исламских стран, как можно заметить, в списке “врагов” не наблюдается.

При таком подходе вполне естественно, что и “друзей” у России значительно меньше, чем врагов. В эту группу попадают исторические “друзья” (например, страны СНГ или Балканские государства – *“те, кому помогали в борьбе за свободу и справедливость”*), “зависимые государства”, а также “страны, противостоящие Западу” или другим нашим врагам. Отдельно называют страны, дружелюбно настроенные к России “благодаря личным наработкам” руководства страны. “Друзьями” в связи с этим чаще всего называют Белоруссию, отдельные страны Евросоюза, Казахстан, Украину, Китай, страны Латинской Америки. Встречаются упоминания Ирана и исламского мира в целом.

Таким образом, основной фактор, влияющий на представления о “врагах” и “друзьях”, – критерий их выделения. То, что французские парламентарии склонны говорить об общности ценностей, а российские – опасаться посягательств на собственную страну, приводит к тому, что другие страны воспринимаются первыми как партнеры, с которыми возможен диалог, а вторыми – как конкуренты, которые, в зависимости от политической конъюнктуры, могут желать “расчленения” России. Это обуславливает принципиальные различия политических представлений элиты по данному вопросу.

### **Качества “идеального” президента. Отношение к действующему главе государства**

Политические представления французских и российских парламентариев о том, каким должен быть “идеальный” президент, имеют как сходные черты, так и ряд различий. Убежденность французских парламентариев в необходимости проведения системных реформ и преодоления общественного сопротивления этим реформам обусловила выход на первый план в их размышлениях таких качеств лидера, как решительность, прагматичность, динамичность, эффективность и способность к долгосрочному планированию. Способность проводить реформы и твердо придерживаться выбранного курса приравнивается к политической смелости, высоко оцениваемой французскими парламентариями.

По отношению к французскому обществу роль лидера, с точки зрения депутатов Национальной ассамблеи, неоднозначна. С одной стороны, он должен быть в достаточной степени решительным, чтобы бороться с консервативным настроением общества. Так, Н. Саркози, занимавший президентский пост в период проведения исследования, заслуживает по этому критерию весьма лестные отзывы респондентов: *“Президент, которому пришлось противостоять серьезному экономическому, социальному и экономическому кризису... Ему пришлось управлять страной в такое сложное время, и он смог ее реформировать, поэтому я бы определил его как реформатора. И не надо забывать, что мы находимся в ультраконсервативной стране, граждане которой*

*требуют от президента реформ. Но как только он начинает реформировать страну, первое, что они начинают требовать, это не проводить никакие реформы”.*

С другой стороны, “идеальный” лидер не решает все проблемы единолично: он прислушивается к обществу, взаимодействует с ним и на основании “социального диалога” приходит к некоему консенсусу. И этой необходимой черты Саркози как главе государства, по мнению представителей политической элиты, недоставало. Так, несмотря на то, что он сумел “справиться с такими проблемами, как урегулирование экономического кризиса, а некоторые реформы удалось настолько, насколько это вообще было возможно”, “у него не получилось выстроить хорошую коммуникацию”, проявить достаточную “солидарность с общественным мнением”.

Говоря о важности для президента волевых качеств и признавая, что Саркози ими обладает, некоторые из парламентариев предположили, что его можно считать наиболее приближенным к образу “идеального” президента. Однако примечательно, что критическое к нему отношение другой части депутатов выявляет значимость для представителей французского политического класса не только профессиональных, но и личностных качеств президента. Так, предъявляемые к нему претензии носят зачастую именно личный характер: он “назойливый”, “нетерпеливый”, в его действиях “слишком много спектакля”.

Представители российской политической элиты также признают волевые качества наиболее важными для президента России. “Мужество” и “твердость” необходимы главе государства для того, чтобы справиться с “огромной ответственностью”, которую “на него взвалили”. Респонденты настойчиво подчеркивали в своих ответах, что быть президентом России нелегко, потому что, по сути, он отвечает в стране за все: “Президент в нашей стране отвечает за полный перечень вопросов, за весь блок. Конечно, это внешняя политика, позиционирование страны. Конечно, это внутренняя политика с точки зрения того, какие процессы происходят. То есть президент несет ответственность в целом за всю державу, чтобы не было мучительно больно перед потомками за те года, в которые мы сейчас живем. (Президент. – В.К., М.М.) – очень сложная позиция”. В этой связи актуальными для него качествами становятся, по мнению депутатов, “умение отделять главное от второстепенного”, “выделять и решать основные стратегические вопросы”, но при этом “думать масштабно”.

Таким же важным, как “воля”, качеством российские парламентарии признают патриотизм. При этом предполагается, что “идеальный” президент должен быть чуть ли не воплощением матери Терезы: он должен “любить народ *свой*”, “любить людей”, “любить каждого человека *своего* государства”. Он должен помогать населению и заботиться о нем, “обеспечить достойно граждан *его* государства”. Таким образом, образ “идеального” президента соединил в себе многие характеристики метафоричного “царя-батюшки” с чертами героя стахановского движения, работающего не покладая рук, способного выслушать и готового помочь “простым людям” [Касамара, Сорокина, 2011, с. 180]. Дополняют образ “идеального” государственного лидера честность и эрудированность.

Представителей “тандела” в качестве примера “идеального” президента депутаты приводят гораздо чаще, чем французы – Саркози. Претензии на личностном уровне никем из депутатов не артикулируются, напротив, признается полное соответствие нынешних лидеров “идеалу”: “Посмотрите на нашего бывшего президента, на нынешнего президента (во время проведения исследований – Д. Медведев), они полностью отражают все необходимые качества: ум, профессионализм, самоотдачу, харизму. Чтобы люди, видя премьера, президента, видели, что это настоящая личность”. Или: “Я думаю, наш президент достоин сегодня управлять страной. Молодой, эффективный, активный... Молодой, человек образованный, знающий. Много лет проработал в аппарате президента, в администрации президента. То есть юрист, как говорится, с первых шагов прошел свою карьеру, только на позитивном, только на хорошем. И те качества, которые есть у нашего президента, они заслуживают уважения”.

Необходимо отметить, что нормативные представления российских парламентариев о президенте, его качествах и роли в жизни страны во многом перекликаются с выявленными нами в ходе исследований взглядами других групп российского населения. Например, российские студенты хотят, чтобы страну возглавлял лидер, обладающий значимым и для депутатов набором черт [Касама, Сорокина, 2012]. Молодые люди в России, в основном, менее критичны по отношению к нынешнему руководству, чем студенты во Франции, так же, как и российская элита в сравнении с элитой французской.

Тем не менее российским студентам было свойственно отождествлять с “идеальным” лидером только В. Путина: “В интервью российских студентов достаточно часто упоминался и оценивался именно Путин, а не Медведев, поэтому запрос российских студентов в отношении харизмы может быть частично обусловлен отсутствием таковой у нынешнего президента” [Касама, Сорокина, 2012, с. 13]. Требования же депутатов к качествам, которыми должен обладать президент, зачастую основывались на представлении о позитивных, с их точки зрения, чертах как Путина, так и Медведева. Ссылки депутатов на Медведева как на воплощение “идеала” в данном случае, на наш взгляд, можно рассматривать как стремление продемонстрировать лояльность действующему президенту (или же свидетельствует о боязни показаться нелояльными).

Идеи о том, что президент должен прислушиваться к мнению населения, “*учитывать разные точки зрения*” и находить между ними компромисс, в нарративах депутатов Государственной думы единичны. Если во Франции о том, что лидеру необходимо прислушиваться к населению страны, говорят почти все респонденты, то среди российских депутатов такие представления – скорее исключения из правил. Таким образом, роль общества в отношениях с лидером сводится к тому, чтобы быть благодарственным.

Итак, ключевой характеристикой для обеих исследуемых групп выступают волевые качества национального лидера. По-настоящему сильный лидер – требование обеих групп, но в это понятие они вкладывают разное содержание. Французский “идеальный” президент должен быть “сильным”, чтобы эффективно решать проблемы страны, обеспечивая ее модернизацию. Российский “образцовый” президент должен быть жестким, чтобы контролировать все сферы жизни, не забывая при этом “заботиться” о “своем” народе. Французские парламентарии гораздо более критичны к действующему главе своего государства по сравнению с российскими коллегами. Их критика затрагивает как отсутствие у него профессиональных качеств, необходимых главе государства (например, способности наладить диалог), так и личностные недостатки лидера их страны. Принципиально отличаются мнения парламентариев двух стран о том, какими должны быть взаимоотношения между обществом и президентом.

### Политическая элита: “идеал” и реальность

Нормативные и дескриптивные представления о политической элите – та сфера, в которой политические представления французских и российских парламентариев имеют наименьшее число точек соприкосновения. И это выявляется уже на уровне самого определения политической элиты, которое дают респонденты.

Проводя исследование нормативных представлений российских парламентариев о политической элите<sup>3</sup>, мы столкнулись с тем, что зачастую российские депутаты испытывали сложности при определении самого этого понятия. Так, одна из главных категорий, составляющих нормативный образ элиты, для них – “*работа в интересах страны и населения*”. Но никто из парламентариев в своем ответе так и не раскрывает, каким именно содержанием наполнено данное понятие. В ответах французских респондентов, конечно, также встречаются общие формулировки, например, “*следовать общественному интересу*”. Но отличительная черта ответов французских депу-

<sup>3</sup> См. подробнее [Касама, Максименкова, 2013].

татов – обращение к частным, конкретным сферам деятельности политической элиты уже на этапе определения того, что такое политическая элита. С их точки зрения, это те люди, которые должны решать конкретные общественные проблемы, например, занятости населения или экономического роста.

Принципиальное же отличие в подходе к пониманию французскими парламентариями политической элиты заключается в том, что в их политических представлениях присутствует категория “ответственности”. Более того, именно она становится одной из ключевых в их определениях, в то время как среди российских респондентов об этом упомянули только двое. Согласно французским законодателям, *“политическая элита – это совокупность ответственных национальных деятелей”*, это *“те, кто ответственны за развитие страны”*, *“ответственны за выработку и принятие важных национальных решений и стратегий”*, обладают *“чувством ответственности”*.

Важна для французских парламентариев идея ответственности за будущее страны перед потомками (*“подготовить страну для будущих поколений”*), что делает необходимым наличие у представителей политической элиты таких качеств, как умение *“предвосхищать события”*, *“находить пути развития страны и воплощать задуманные стратегии в жизнь”*, *“обладать видением долгосрочного развития Франции”*.

Наличие категории ответственности в ответах французских парламентариев – свидетельство важнейшего, но не единственного различия между политическими представлениями двух изучаемых нами групп. Существенным представляется также различие в видении роли общества. Подобно взаимоотношениям президента и общества, взаимодействие между населением и элитой, согласно представлениям французских парламентариев, носит не односторонний характер. Политическая элита – это не те, кто, как считают российские депутаты, *“ведут”* и *“направляют”*, и без кого мы *“будем стадом баранов”*. Политическая элита выявляет запросы и потребности населения (например, *“искать то, что составляет интересы французского общества”*) и *“умеет его чаяния преобразовать в политические действия”*.

Понятно, что это “преобразование” подразумевает принятие политических решений и их реализацию: *“Способствовать тому, чтобы политические суждения избирателей трансформировались в политические решения”*. И: *“Работать для того, чтобы политические проекты воплощались в жизнь”*. В ответах же российских парламентариев идея принятия решений, как и идея ответственности, почти не представлена. Кроме того, если говорить о принятии решений, то стоит отметить, что депутаты Национальной ассамблеи как законодатели часто обращаются к вопросу законотворческой деятельности. Так, элита для них – те люди, которым население доверило *“право создания законов”*. Никто из российских парламентариев не сформулировал свои мысли по поводу элиты в таком виде.

Интересно, что в качестве примера “идеальной” элиты некоторые как российские, так и французские респонденты обращались к элите Германии. Однако если первые делали упор на экономические успехи страны под руководством ее нынешнего политического класса, то для вторых критерий отнесения элиты Германии к “идеальной” был иным: *“С точки зрения ответственности и с национальной точки зрения под руководством Меркель все хорошо в социальной сфере, правительство умеет слушать и отстаивать интересы своего народа”*.

Еще одна отличительная черта взглядов французских парламентариев на политическую элиту – отсутствие у них представлений об “избранности”. Вместо рассуждений об *“элитных семенах”* и *“особо выделяемых людях”* в их ответах мы зачастую находим отказ от использования самого словосочетания “политическая элита”. Например: *“Я вообще не очень люблю это словосочетание, оно слишком лестно для политического класса”*. И даже если сама эта мысль не артикулируется, в текстах интервью можно наблюдать тенденцию замены французскими депутатами словосочетания “политическая элита” на такие понятия, как “политические акторы”, “национальные деятели”, “легитимные представители”. Политическая элита, таким образом, предстает не как класс “лучших из лучших”, а как наиболее эффективные, решитель-

ные, ответственные и разделяющие демократические ценности и идущие в ногу со временем люди.

Одно из главных отличий политических представлений французской политической элиты от российской о самой себе касается вопроса легитимности. Многие российские парламентарии настаивают на полной и безоговорочной легитимности современной российской политической элиты, основанной на том, что за нее *“пришли и проголосовали”*. И хотя точка зрения, согласно которой факт голосования в условиях устоявшейся избирательной системы – достаточное основание для легитимности правящего класса, присутствует и в ответах французских депутатов (*“вопрос легитимности решается сам собой во время выборов”*), все же у французов зачастую возникают сомнения относительно легитимности нынешнего правящего класса.

Эти сомнения основаны на двух главных факторах. Первый – особенности электорального поведения французского общества (*“люди не очень охотно голосуют”, “явка падает”* и *«французы склонны скорее голосовать “против”, чем “за”, то есть действительно очень редко бывает такой кандидат, который бы вызывал исключительно симпатию»*). Второй заключается в специфике социального состава политического класса.

Французы критикуют нынешнюю систему рекрутирования элиты за недостаточность ротации, приводящую к излишней однородности политического класса. Эта специфика социального состава политического класса способствует разрыву между элитой и населением. Поэтому у французских парламентариев возникает идея о необходимости диверсифицировать нынешний политический класс: *“Состав нашей политической элиты должен быть диверсифицирован. Необходимо отдавать предпочтение женщинам, людям разного культурного бэкграунда, молодежи, а также выходцам из промышленного сектора”*. Или: *“Сегодня необходимо подумать о средствах расширения доступа к государственной службе для людей с разнообразным профессиональным багажом. Это может быть и администрирование, и торговля, и экономика, и сельское хозяйство”*. Или: *“Французской элите, сформированной преимущественно из выпускников Sciences Po и L’ENA, необходима новая кровь в лице докторов наук (точные науки, гуманитарные и социальные науки), рабочих и управляющих предприятиями. Ключевое слово здесь: разнообразить”*.

Таким образом, важное место в представлениях французских парламентариев занимает идея изменения, в то время как основная часть опрошенных нами депутатов Государственной думы ратуют за стабильность и сохранение вектора нынешнего развития элиты как способа и гарантии решения ее проблем. Это полностью соотносится и с представлениями о способе решения проблем на уровне страны в целом. Если представителям французской политической элиты свойственно возлагать надежды на проведение системных реформ, то российским парламентариям – на стабильность и сохранение курса (см., например, [Даугавет, 2003]).

\* \* \*

В проанализированных нами политических представлениях российских и французских парламентариев выявлены как сходства, так и различия. Общие черты наблюдаются, в первую очередь, во взглядах на собственные страны, их развитие и проблемы. Основные же различия касаются того, какими законодатели видят образцовых представителей власти, наиболее удовлетворяющих потребности их стран.

Общность между странами, на наш взгляд, – результат схожей ситуации: экономической, политической и социальной нестабильности. Франция, переживающая экономический кризис, страдающая от старения населения и проблем с миграцией, и Россия, так и не прошедшая переходный период, сталкивающаяся с множеством проблем различного рода, безусловно, должны иметь сходство на уровне политических представлений. Однако это сходство именно ситуативное. Так, требование наличия у главы государства волевых качеств свойственно парламентариям обеих стран. Оно

возникает как результат схожих условий, но, как мы выяснили, на совершенно разном ценностном фундаменте.

И различия в политических взглядах политической элиты России и Франции обусловлены именно тем, какие базовые политические ценности лежат в их основании. Это различия, проявляющиеся на уровне мировоззрения. В данном случае они были продемонстрированы, например, в использовании депутатами категорий “враг” и “друг” или во взглядах на взаимоотношения общества и власти. Ценностные различия можно наблюдать даже на языковом уровне: так, в лексиконе французских представителей власти звучат слова, которых нет в словарном запасе российских депутатов (например, “консенсус”, “диалог”). Ценностные различия приводят к тому, что зачастую смысл, который парламентарии двух стран вкладывают в выраженные одинаково понятия, кардинально различается.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Гурьева Л.С.* Дискурсы и ценности региональных элит (результаты исследований). М., 2007.

*Даугавет А.Б.* Неформальные практики российской элиты. Апробация когнитивного подхода // ПОЛИС. 2003. №4.

*Зуева К.* Образ России: взгляд из Франции // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 2.

*Касамава В.А., Максименкова М.С.* Политическая элита глазами российских парламентариев // Общественные науки и современность. 2013. № 1.

*Касамава В.А., Сорокина А.А.* “Идеальный” президент глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012. №1.

*Касамава В.А., Сорокина А.А.* Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // ПОЛИС. 2011. №4.

*Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999.

*Лапина Н., Чирикова А.* Обновление политической элиты: изучение проблемы в рамках компаративного исследования // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 11.

*Миголь Е.В., Хавенсон Т.Е.* Изучение распределения политических ценностей в России, Франции, Германии и США // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 2. М., 2012.

*Пищева Т.Н., Виноградова Н.С., Недова А.Д.* Образ России под углом зрения политических коммуникаций // ПОЛИС. 2010. № 4.

*Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.

*Flick U.* Introduction to Qualitative Research. SAGE Publications Ltd, 2009.

*Gel'man V., Tarusina I.* Studies of Political Elites in Russia: Issues and Alternatives // Communist and Post-Communist Studies. 2000. Vol. 33

*Kasamara V., Sorokina A.* Russia's Present and Future as Seen by the Homeless and Duma Deputies // The EU-Russia Centre Review. 2011. Vol. 20.

*Levintova E.* Revisiting Russian and Polish Elite Value Orientations: are the Elites Still Committed to the Original Goals of Post-Communist Transitions? // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39. № 2.

*Ritchie J., Lewis J.* Qualitative Research Practice: a Guide for Social Science Students and Researchers National Centre for Social Research, SAGE Publications Ltd. 2003.

*Urban M.* Cultures of Power in Post-Communist Russia. Cambridge, 2010.

© В. Касамава, М. Максименкова, 2013